

ской или общественной задачи, — вялы и бесцветны. Отчего те романы, в которых Ж. Санд является просто художником, целомудренным живописцем жизни и людей, гениальны, и отчего нельзя сказать того же о тех произведениях этой писательницы, где она является философом? Жизнь вечна, а идеи мрут и меняются вместе с поколениями: оттого одни произведения вечны, а другие, написанные под влиянием господствующих идей века, эфемерны.

Я с намерением упоминаю о своем взгляде на литературу с тою целью, чтоб показать, что мы бы вероятно не согласились в нем с г-ном Петрашевским, а потому и входить в спор с ним об этом было бы совершенно попустому. Я с самого начала заметил, что г-н Петрашевский плохой критик в деле литературы. Сверх того представлялся гораздо лучший способ убедить его, что он говорит как человек, совершенно не знающий ни настоящего положения нашей литературы, ни ценсурных установлений. Вот почему, как только перестал он говорить, я сказал ему: «Положим, что нашлись бы у нас литераторы достаточно ученые и нечуждые современных идей... положим это — спрашивается теперь, как станут они выражать их в литературных произведениях?» «Надобно сперва знать, что выражать», — отвечал он. «Вы меня не поняли, — заметил я, — я говорю о ценсуре» ... Тут завязался разговор, который я уже имел честь довести до сведения Следственной комиссии.

Дуров возражал в этом же роде, но слов его, сколько ни стараюсь, припомнить не могу, тем более что лишь только Петрашевский перестал говорить, всеобщее молчание нарушилось, все встали с своих мест, со всех сторон поднялись возражения, замечания и главный спор раздробился в несколько споров: разговор сделался перекрестным, и я перестал принимать в нем участие. В эту же минуту подали ужин, после которого я немедленно ушел домой.

Вот все, что я могу припомнить об этом вечере. Вообще на этих вечерах мне было скучно: доказательство, что я посещал их весьма редко, а в последние три месяца, а может быть даже и больше, — вовсе перестал на них являться. Уж по своему характеру я не люблю споров. Не обладая даром слова и не сознавая в себе нисколько таланта привлекать всеобщее внимание, я *никогда* и *ничего* не говорил, не читал там во всеуслышание, и если б в последний вечер речь была не о литературе — предмете, для меня наиболее интересном, — если б, кроме Дурова и меня, был тут еще кто-нибудь из литераторов, то я и не вмешался бы в общий разговор. Зашел я на этот вечер случайно, ушел раньше всех, и если все говорить, то даже раскаивался потом дорогой в том, зачем принимал участие в разговоре, потому что чувствовал, убедить я не убедил, а только вынес из всего этого неприятное впечатление.

В заключение скажу, что я готов, если только Комиссии будет угодно это, высказаться весь перед нею, высказать и мнения свои и свой взгляд на жизнь и вещи, одним словом, я готов со всею искренностью честного человека высказать ей все, о чем я размышлял и задумывался. Я не побоюсь этого, потому что чувствую себя невиновным.

Теперь одна всепокорнейшая просьба и, признаюсь, я высказываю ее с чувством страха и нерешительности. Я оставил жену свою в страшном, отчаянном положении. Она недавно разрешилась от бремени и сама кормит.¹⁷ Несчастье, обрушившееся надо мною, может иметь на нее губительное влияние. Сверх того, мы люди бедные. Кроме рук моих и труда у семейства моего нет других средств к пропитанию. Если я уж не могу быть возвращен теперь семье своей, то да позволено мне будет, по крайней мере — и я прошу об этом с чувством надежды — уведомить жену свою о себе,¹⁸ успокоить ее и сколько-нибудь утешить. Вот уже шесть дней, как я в заключении, и в эти шесть дней¹⁹ среди тоски и скуки, без книг, без всякого умственного развития, я ни на минуту не могу отрешиться мыслью от своего семейства и от забот о его положении. Мне самому было бы благодетельным утешением хоть что-нибудь узнать о нем.

С чувством страха, но вместе и надежды, представляю я эту покорнейшую просьбу мою благосклонному вниманию Следственной комиссии.

Отставной инженер-подпоручик Михаил Достоевский.

10 мая 1849 г. <Л. 4—6 об.>.

О. Г. ДИЛАКТОРСКАЯ

ДОСТОЕВСКИЙ И БОМАРШЕ

У Достоевского нет прямых высказываний о Бомарше. Не находим мы произведений французского комедиографа и в перечне книг писателя, прокомментированном Л. П. Гроссманом.¹

¹⁷ К моменту ареста М. М. Достоевский был единственным кормильцем большой семьи. Старшему сыну его Феде (Ф. М. Достоевский-младший, 1842—1906) было неполных семь лет, дочери Марии (1843—1888) — шесть, около трех лет сыну Михаилу (М. М. Достоевский-младший, 1846—1896) и четыре месяца дочери Надежде (умерла в младенчестве).

¹⁸ До июля 1849 г. всем арестованным была запрещена переписка с родными; очевидно, М. Достоевскому отказали в этой просьбе. Некоторые сведения о муже Э. Ф. Достоевская могла получить в III отделении, куда ее вызвали 31 мая для возвращения документов, отобранных у мужа при аресте (ЦГАОР, ф. 109, оп. № 5, 1849 г., № 214, ч. 24, л. 10).

¹⁹ Ошибка М. М. Достоевского: он был арестован 5 мая, следовательно, даже считая день ареста, прошло к этому времени пять дней.

¹ См.: Гроссман Л. П. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919.

Но отсюда не следует, что Достоевский не был знаком с творчеством «колкого Бомарше», как называл знаменитого комедиографа Пушкин.

Что и Достоевский слушал оперу Россини «Севильский цирюльник», по одноименной комедии Бомарше, указывает вплетенная в сюжетный рисунок повести «Белые ночи» сцена передачи письма Розины Линдоро.² Реминисценцию из Бомарше можно легко усмотреть и в рассказе «Маленький герой».

«Свадьба Фигаро» была переведена на русский язык в 1829 г. Д. Барковым. Она полюбилась русской публике и шла вплоть до 1839 г.; о более поздних постановках этой комедии в 40-е годы сведений нет.³

Образы комедии пленяли воображение Пушкина, особенно образ Керубино, которому поэт посвятил стихотворение «Паж, или Пятнадцатый год» (1830). В стихотворении «К вельможе» (1830) Пушкин сделал удивительно тонкое замечание о той атмосфере жизнелюбия, которой проникнута свободолюбивая комедия Бомарше:

Веселый Бомарше блеснул перед тобою.
Он угадал тебя: в пленительных словах
Он стал рассказывать о ножках, о глазах,
О неге той страны, где небо вечно ясно,
Где жизнь ленивая проходит сладострастно,
Как пылкой отрока восторгов полный сон...⁴

В последней строке поэт чутко выразил восприятие жизни тринадцатилетним мальчиком, возраст которого Бомарше определил как возраст «уже не ребенка, но еще и не мужчины».

Близко к этому освещение в рассказе Достоевского и образа маленького мечтателя, который, ласкаемый прекрасными женщинами, чувствовал, как «что-то шелестило по его сердцу, до сих пор неизвестное и неведомое ему; но отчего оно подчас горело и билось, будто испуганное» (2, 269).

Действие рассказа происходит в барской усадьбе, недалеко от Москвы. Действие же комедии Бомарше развивается в Андалузии, в замке, в трех лье от Севильи. В обоих произведениях — близкая сюжетная линия: ревнивец-муж — граф Альмавива в «Женитьбе Фигаро» и м-г М* в «Маленьком герое», покорная и угнетенная ревностью жена — Розина и м-ше М* и влюбленный в светскую женщину мальчик, паж — Керубино и маленький Мечтатель.

² Гозенпуд А. А. Достоевский и музыка. Л., «Музыка», 1971, с. 27—28.

³ Вольф А. И. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 г., чч. I—III. Пб., 1877, с. 18, 72.

⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. 3, полутом 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, с. 218.

Естественно, что эта сюжетная линия в каждом из произведений развивается по-своему; тем не менее ощущается и определенное созвучие, есть и прямые намеки в «Маленьком герое», которые указывают на первоисточник. У Бомарше героиня так показывает суть ревности графа Альмавивы:

Графиня. Он меня не любит.

Сюзанна. Почему же он вас так ревнует?

Графиня. Как и все мужья, милочка,— только из самолюбия.⁵

У Достоевского мы находим сходную психологическую мотивировку: «Говорили, что муж ее ревнив, как арап, не из любви, а из самолюбия» (2, 275).

В обоих произведениях подчеркивается униженное положение замужней женщины и дается шуточный урок деспотическим ревнивцам-мужьям. В «Женитьбе Фигаро» — самой графиней, когда вместо Керубино в туалетной комнате супруги граф находит Сюзанну и, сконфуженный, восклицает: «О, какой урок!.. Какая чудовищная шутка!» (405). Бомарше вкладывает, по его же словам (в предисловии комедии), «глубокий правоучительный смысл» в эту сцену: выставить графа, желавшего «надругаться над неверной женой», посмешищем в глазах своих слуг. Как будто бы деспотизм наказан, добродетель торжествует. Но это не снимает ощущения угнетенности и бесправия женщины в браке. Подобная ситуация показана и в «Маленьком герое».

У Достоевского подобный же урок дает ревнивцу приятельница м-ше М*, белокурая красавица, при общем сочувствии общества, особенно молодежи: «Ее шутки и болтовня были так грациозны, так доверчиво-наивны, так простительно-неосторожны <...> Еще за обедом начался этот отчаянный поединок <...> Дело шло при непрерывном и неудержимом смехе всех свидетелей и участников боя <...> Приметно было, что м-ше М* несколько раз порывалась остановить своего неосторожного друга, которому в свою очередь непременно хотелось нарядить ревнивого мужа в самый шутовской и смешной костюм, и должно полагать, в костюме Синей бороды...» (2, 280—281). Любопытно, что и Керубино и Маленький герой, являясь предметом ревности, бегут: первый, боясь графского гнева, выпрыгивает в окно, второй спасается бегством в своей комнате от ужасающего стыда и публичного осмеяния.

Маленький герой называется в рассказе несколько раз прекрасным пажем после участия в сценке «Госпожа замка и ее паж». Керубино же в комедии называется Cherubino di amore — ангелом любви. Любовь руководит и поступками Маленького героя в рассказе Достоевского. Свою любовь оба мальчика отдают замужним женщинам. И единственная награда, которая достается

⁵ Бомарше. Избранные произведения. М., «Худож. лит-ра», 1954, с. 392. В дальнейшем цитаты даются по этому изданию.

им за их чувство — доброе расположение властительниц их дум и грез; в «Женитьбе Фигаро» Керубино получает ленты с чепца графини, в «Маленьком герое» подростку достается косынка m-те М*. Причем и лента, и косынка дважды фигурируют в обоих случаях: в «Женитьбе Фигаро» Керубино в первый раз вырывает ленту у Сюзанны, а потом возвращает ее по требованию графини; в «Маленьком герое» m-те М* сама повязывает шею маленького Мечтателя своей косынкой, а затем он возвращает ее добровольно. В конце же «Женитьбы Фигаро» графиня бросает ленту, которую Керубино проворно поднимает, а в рассказе Достоевского m-те М* бросает косынку на глаза спящему мальчику («Я слабо вскрикнул, открыл глаза, но тотчас же на них упал вчерашний газовый платочек ее...» (2, 295)). Оба прекрасных пажа дарят букет полевых цветов своим господам и получают в благодарность поцелуй: Керубино в костюме пастушки; маленький герой, притворившись спящим. Таким образом, оба героя как бы маскируются.

Несмотря на некоторые созвучия в сюжете «Маленького героя» с комедией Бомарше, рассказ Достоевского, разумеется, совершенно самостоятелен; образы героев наполнены в нем иным содержанием, иначе расставлены акценты; второстепенное лицо из «Женитьбы Фигаро» получило у Достоевского ведущую роль; легкомысленный Керубино превратился в подростка, предъявляющего жизни серьезные вопросы. Но есть в обоих произведениях и нечто, что их сближает, — тема борьбы против угнетенного положения женщины. Известно выражение Фурье, что степень свободы, какую пользуется женщина, служит мерилем свободы общества. Система Фурье была идеологической основой кружка Петрашевского и, без сомнения, Достоевский, в духе учения Фурье воспринимал идейно-социальное значение комедии «Женитьба Фигаро», на которое указывал Герцен.⁶

Т. И. ОРНАТСКАЯ, Г. В. СТЕПАНОВА

РОМАНЫ ДОСТОЕВСКОГО И ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЦЕНзуРА

(60-е годы XIX в. — начало XX в.)

1

Из многочисленных инсценировок романов Достоевского подавляющее большинство было запрещено царской цензурой.¹ Данная работа является обзором выявленных нами цензурных

⁶ А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30 томах, т. 2. М., Изд-во АН СССР, 1954, с. 231—232.

¹ Рукописи большинства из них хранятся в Ленинградской государственной театральной библиотеке им. А. В. Луначарского. Описание их,

материалов из фонда Главного управления по делам печати, хранящегося в Центральном государственном историческом архиве СССР (Ленинград). Материалы эти относятся к романам «Преступление и наказание», «Идиот» и «Братья Карамазовы». Цензурные органы с большим упорством и последовательностью препятствовали проникновению на сцену театра произведений Достоевского, усматривая в них «сплошной протест против существующего общества».

Уже на следующий год после появления в печати романа «Преступление и наказание» были предприняты попытки к постановке в театре инсценировки этого произведения. В письме от 22 февраля 1867 г. московский книгопродавец, беллетрист и драматург А. С. Ушаков обратился к Достоевскому с просьбой «разрешить переделать или скорее приновить <...> для сцены» «Преступление и наказание».² Вскоре инсценировка была готова и доставлена писателю с целью получения одобрения, а также возможных замечаний. Вероятно, в апреле Достоевский вернул рукопись. Отзыв писателя о ней неизвестен. Подготовленная Ушаковым драма поступила в цензуру.

Сохранились протоколы двух заседаний Совета Главного управления по делам печати, на которых рассматривалась пьеса Ушакова. В протоколе от 30 июня 1867 г. говорится, что Совет Главного управления по делам печати слушал:

«а) представляемый при сем рапорт цензора драматических сочинений статского советника Кейзера фон Нилькгейма о рассмотренной им пьесе:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

драма в 5 действиях с эпилогом, переделанная из романа Ф. М. Достоевского А. С. Ушаковым.

В основании драмы лежит убийство неокончившим курса студентом Раскольниковым двух старух, из коих одна ростовщица. Убийство это прямое последствие того коренного убеждения Раскольникова, что все люди разделяются на обыкновенных и необыкновенных. «Обыкновенные люди», по его мнению, «должны жить в послушании и не имеют права преступить закона; необыкновенные же, — во имя лучших порядков, ими создаваемых, имеют право перешагнуть чрез иные препятствия, если исполнение их идей того требует».

сделанное А. Н. Гладцкой, Н. А. Домаревой и М. О. Типкевич, см.: «Достоевский. Однодневная газета Русского библиологического общества», 1921, 30 октября (12 ноября), с. 28—29. О судьбе переделок для театра произведений Достоевского кратко писал А. Поляков (см. там же, с. 22—24), а также Н. В. Дризен (см. об этом ниже и примеч. 3 и 5).

² Письма А. С. Ушакова к Достоевскому см. в кн.: Достоевский и его время. Л., «Наука», 1971, с. 267—272.